

Лирическая зарисовка создается посредством аллитерации «*тр*» и ассонанса в конце предложения. Сочетание звуков «*тр*» отсылает к чему-то молниеносному, которое сменяется размеренным, непреходящим (Быстрые стрижи – наступающее лето). Сжатая, метафорически насыщенная зарисовка, богатая ассоциациями, иллюстрирует быстрый приход лета: «С утра...и к вечеру...». Одно предложение представляет собой наполненный событиями день. Еще одним интересным примером для сравнения выступают миниатюры о Цыпленке, входящие в обозначенные выше книги: «Цыпленок вечером» С. Г. Козлова и «Цыпленок» Г. М. Цыферова. Несомненно, оба находятся в диалоге с первой книгой К. И. Чуковского «Цыпленок» [6], опубликованной в 1928 году с иллюстрациями С. Е. Рахманина, детского писателя и иллюстратора книг для детей, друга детства В. В. Бианки. Одноименная миниатюра, входящая в книгу «Цыпленок вечером» Козлова состоит из двух предложений, одно из которых назывное: «Сумерки. Цыпленок бежит в тумане тополиного пуха, как молодой месяц в облаках» [1, с.20]. Поэтическая импрессионистическая зарисовка – этюд с ярко выраженной звукописью. С точки зрения осмысления поэтичности и внутренней формы, это вообще верлибр.

Как видим, размышление над формой и жанром сказки-малютки, книжки-малышки у писателей С. Козлова и Г. Цыферова приводит к пониманию особенностей их индивидуального стиля, с одной стороны, стиля эпохи, с другой, и, несомненно, к осмыслению роли синтеза как внутрилитературного, так и синтеза иллюстрации и словесного художественного текста, как это громко ни звучит применительно к произведениям детской литературы.

Литература

1. Козлов С. Г. *Цыпленок вечером*. / С.Г.Козлов. – М.: Детская литература, 1993. – 56 с.
2. Минакова А. В. Миниатюра в русской прозе первой трети XX века. / А.В.Минакова. – Дисс. канд. филол. наук. М., 2016.
3. Минералова И. Г. Детская литература. / И.Г. Минералова. – М: Издательство «Юрайт», 2016. – 333 с.
4. Потебня А. А. Слово и миф. / А.А.Потебня. – М., Издательство «Правда», 1989. – 624 с.
5. Цыферов Г. М. Как лягушонок искал папу. / Г.М.Цыферов. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 366 с.
6. Чуковский К. И. Цыпленок. / К.И.Чуковский. – Л.; М.: Радуга, 1928. – 12 с.

М.М. Kovalenko

Moscow State Pedagogical University
e-mail: kovalenmaria@gmail.com

The "Tiny tales" in the history of the Russian children's literature of the XX century (Sergei Kozlov and Gennady Tsyferov)

Keywords: style, tiny tale, tiny book, synthesis, miniature.

The article deals with the phenomenon of "tiny tales" in the history of Russian literature in XX century using as an example the tales-miniatures of Sergey Kozlov and Gennady Tsyferov. It also identifies the traditions and peculiarities of individual style of writers' individual style and the style of particular era in general.

Е.В. Крикливец

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: kriklivec@mail.ru

УДК [821.161.1+821.161.3]–31.09

РУССКАЯ И БЕЛОРУССКАЯ ВОЕННАЯ ПОВЕСТЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ЖАНРОВАЯ МОДИФИКАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕРОЯ

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, военная проза, жанровая модификация повести, репрезентация героя.

В статье раскрываются причины и специфика жанровой модификации русской и белорусской военной повести во второй половине XX века; выявляются эстетические и национальные особенности репрезентации героя в различных жанрово-видовых разновидностях военной повести.

Причины и специфика жанровой модификации на разных этапах бытования жанра в контексте литературного процесса напрямую связаны с функцией жанра и особенностями жанрового содержания. Если исходить из того, что основная функция жанра – миромоделирующая, а жанровое содержание – это исторически сформировавшийся подход к художественному осмыслению действительности, то основными причинами жанровой модификации будут являться социальные и собственно эстетические. Под социальными следует понимать социально-исторические изменения, приводящие к изменению общественного сознания и, как следствие, к смене концепции действительности, к появлению новой «идеи человека». Под эстетическими следует понимать смену художественной парадигмы, зарождение и развитие нового художественного метода, удовлетво-

ряющего эстетические потребности времени, а также индивидуально-авторские эстетические поиски и эксперименты.

Жанровая модификация русской и белорусской реалистической повести во второй половине XX века обусловлена как изменениями социального вектора, так и собственно художественной эволюцией реалистического метода. Размышляя о процессе развития белорусской прозы во второй половине XX века, В.А. Наумович предлагает весьма убедительную классификацию этапов развития:

- рубеж 1940-х – 1950-х годов – консервативная проза;
- 1960-е годы – исповедальная проза;
- конец 1960-х – 1970-е годы – констатирующая литература;
- вторая половина 1970-х – начало 1980-х годов – интеллектуальная проза;
- середина 1980-х – начало 1990-х годов – стремление к философско-концептуальному раскрытию человека и мира [3, с.100–102].

Поскольку данная классификация основана на идейно-тематических особенностях белорусской прозы, развивавшейся в обозначенный период времени в контексте советской литературы, можно утверждать, что она отражает общие тенденции развития, характерные как для белорусской, так и для русской прозы.

Актуализация определенных идейно-тематических и эстетических аспектов прозы на каждом из названных этапов развития обусловила актуализацию и доминирование той или иной жанровой разновидности повести соответственно. Это объясняется тем, что жанровые разновидности повести дифференцируются на основе доминантной коллизии (типа конфликта), а также преобладания эпического или лирического начала в произведении. Таким образом, конкретная жанровая разновидность повести оказывается наиболее востребованной в связи с когнитивными и коммуникативными задачами времени.

Осмысление событий Великой Отечественной войны стало одним из основных векторов развития реалистической прозы во второй половине XX века. И если, так называемая, «штабная», или «генеральская», проза демонстрирует стремление авторов создать масштабное эпическое полотно, то в «окопной», или «лейтенантской», прозе происходит закономерная актуализация жанра повести, позволяющего сочетать эпическое и лирическое начала и осмыслить индивидуальный путь (социальный и духовный) человека на войне. Попытаемся проследить жанровую трансформацию русской и белорусской военной повести во второй половине XX века.

Так, в прозе 1950-х годов наметился переход от плакатного героического пафоса к осмыслению реального военного опыта самих вчерашних «окопников». Собственно «точкой отсчета» «окопной» прозы можно считать опубликованную в 1946 году повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда». Феномен произведения, в котором присутствуют элементы и бытовой, и психологической, и героической повести, обусловлен тем, что сам автор – боевой офицер, а не профессиональный писатель – не был ограничен канонами соцреалистической эстетики и главной своей целью, думается, видел изображение ежедневного воинского подвига, коим является само существование человека в условиях боевых действий. Такая правда о войне, безусловно, мало соотносилась с соцреалистическим воспеванием «героической личности в героических обстоятельствах», но повесть В. Некрасова создала основу для появления (в том числе, и в советской печати) повестей Ю. Бондарева «Батальоны просят огня», «Последние залпы», Г. Бакланова «Южнее главного удара», «Пядь земли», И. Шамякина «Агонь і снег», В. Быкова «Апошні баец», «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», И. Наumenко «Вайна каля Цітавай капанкі», Б. Саченко «Палон» и др. В названных повестях личный военный опыт авторов шел вразрез с героико-романтическим ритуалом советской прозы.

Анализируя литературный процесс конца 1950-х – 1960-х годов, Н.Л. Лейдерман справедливо отмечает формирование новой жанровой разновидности в контексте военной прозы – лирико-психологической повести. В повестях такого типа, как правило, преобладает трагический модус художественности. Драматизм произведений усиливается еще и тем, что хронотоп лирико-психологической повести в большинстве случаев ограничен несколькими сутками (одним боем) и масштабом окопа (батареи, роты), что приводит к максимальной напряженности сюжета. И если «авторы военных повестей конца 1950-х годов еще оглядывались на привычные конструкции военного романа начала десятилетия с его тенденцией к панорамности и событийности» [2, с.74], то конфликт лирико-психологической военной повести 1960-х годов – это отражение ситуации высшего духовного напряжения, поставившей героя перед нравственным выбором. Нередко этот выбор оплачивается жизнью. Отметим, что в повестях второй половины 1950-х годов зачастую нивелировалась значимость самого военного события, в котором герои принимали участие. Солдаты погибали за «Пядь земли» «Южнее главного удара». На первый план выходила психологическая значимость события, его влияние на формирование личности героя.

В произведениях, созданных в 1960-е – начале 1970-х годов (В. Астафьев «Звездопад», К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой», В. Быков «Альпийская баллада», «Мёртвым не баліць», «Круглянский мост», И. Пташников «Лонва», «Тартак», Б. Саченко «Пакуль не развіднее», «Апошнія і першыя» и др.), наблюдается стремление авторов сочетать глубину психологического анализа с объективным описанием реальных исторических событий. Следует обратить внимание и на тот факт, что в повестях 1960-х годов тема страдания и гибели человека на войне была все же «вписана в контекст настоящей, будущей или неизбежной победы» [1, с.48] – так называемая, «оптимистическая» тенденция военной прозы. В повестях 1970-х годов «герой умирает, подчеркивая смертность и безысходность любой человеческой судьбы, покидая читателя с ощущением экзистенциального ужаса» [1, с.48] («пессимистическая» тенденция).

Таким образом, в военной прозе конца 1970-х – 1980-х годов происходит смена литературного цикла, которая нашла отражение в следующих тенденциях. Во-первых, усиливается экзистенциальное звучание произведений. Писатели начинают осмысливать войну не как героический подвиг, а как бессмысленное истребление человека человеком, приводящее к разложению человеческой личности, бессильной что-либо изменить в окружающем мире.

Эстетически переход к осмыслению экзистенциальных категорий предвосхитил, так называемый, «жестокый реализм», без которого нельзя вообразить военную (а тем более, «окопную») прозу. Присутствие натуралистических подробностей в повестях К. Воробьева «Убиты под Москвой», В. Быкова «Мёртвым не баліць», «Дажыць да світання», В. Астафьева «Пастух и пастушка», А. Адамовича «Карнікі», В. Кондратьева «Сашка» и др. усилили апокалипсические мотивы отчаяния и смерти, присущие экзистенциальной литературе.

Не уверены, будет ли правомерно говорить о зарождении в прозе 1970-х – 1980-х годов такой жанровой разновидности как «экзистенциальная повесть», но очевидно, что идейно-тематическая концепция повестей В. Астафьева «Пастух и пастушка», В. Кондратьева «Сашка», В. Быкова «Дажыць да світання», «Пайсці і не вярнуцца», «Кар’ер» диссонирует с традицией лирико-психологической повести 1960-х годов. Если в лирико-психологической повести нравственный выбор, совершенный героем в пограничной ситуации, приводил его к духовному «восхождению», то герои «экзистенциальной повести», пройдя сквозь ужасы войны, нередко утрачивают веру в общечеловеческие ценности. В связи с этим теряет свою значимость лирическая доминанта, которая в лирико-психологической повести «стягивала все субъектные, пространственно-временные, ассоциативные, интонационно-речевые планы художественного мира вокруг главного героя, «увязывая» их с тончайшими сдвигами в духовном мире персонажа» [2, с.80].

Следовательно, еще одной тенденцией жанровой модификации повести в 1970-е – 1980-е годы становится актуализация эпического начала. Авторы переходят от анализа отдельных судеб на войне к синтезу, к попытке постижения человеческой судьбы в контексте исторического пути народа и государства. Движение писателей к эпической полноте, к попытке отразить всю сложность и многогранность мира привело к процессу, который многие исследователи называют «романизацией повести» [2]. Этому предшествовал процесс возникновения циклических структур (повесть или повествование в рассказах, новеллах; создание цикла повестей). Отметим, что данная тенденция характерна не только для военной прозы, но для литературного процесса 1970-х – 1980-х годов в целом.

Стремление к всестороннему достоверному освещению событий Великой Отечественной войны (в том числе и малоизвестных ее страниц) привело к жанровым поискам в русле интеграции художественной и документальной, мемуарной прозы. Опора на исторические документы и свидетельства присутствует в «Моменте истины» В. Богомолова (другое название – «В августе сорок четвертого»). Однако особое развитие документально-художественное исследование темы «человек и война» получило в белорусской литературе. В этом русле написаны «Хатынская аповець» и «Карнікі» А. Адамовича, «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, «Я з вогненнай вёскі» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника, «У войны не женское лицо» С. Алексиевич. Появление данных произведений свидетельствует не о размывании жанровых границ повести (поскольку повесть – жанр художественной литературы, а здесь мы имеем дело с документально-художественным новообразованием), а о том, что жанр повести может стать основой для интеграции жанровых структур, для появления новых форм на «стыке» публицистики и художественной литературы.

В 1990-е годы и на рубеже 2000-х военная повесть претерпевает не только эстетические, но и содержательные изменения. Центральным конфликтом произведений о войне становится не конфликт воюющих сторон, а противоборство человека и государственной (армейской) системы, а также психология «потерянного», «деформированного» войной поколения. Эти темы являются сюжетобразующими в повестях И. Шамякина «Ахвяры», В. Быкова «Пакахай мяне, салдацік», А. Осипенко «Клетка для берасцянак», «Выканаўца». В этом же ключе осмысливаются и события «новой» войны – афганской и чеченских кампаний. Исследователи современной русской литера-

туры отмечают специфическую пространственную организацию произведений новой военной прозы: «Это ощущение игры на чужом поле, это подавляющий образ чужого пространства, которое уже само по себе, помимо местных людей, воюет против русского солдата» [4, с.156].

Таким образом, русская и белорусская военная повесть во второй половине XX века прошла определенный путь развития, основными этапами которого стали переход от героико-романтической советской повести 1940-х – 1950-х годов к лирико-психологической повести 1960-х; углубление экзистенциальной проблематики военной повести в 1970-е годы; усиление эпического начала (что позволило заговорить о романизации повести) в 1980-е; смена доминантной коллизии и трансформация хронотопов военной повести 1990-х – 2000-х годов.

Литература

1. Горбачев, А.Ю. Тема Великой Отечественной войны в советской «военной прозе» / А.Ю. Горбачев // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 2009. – № 7. – С. 40–49.
2. Лейдерман, Н.Л. Движение времени и законы жанра : жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. / Н.Л. Лейдерман. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 254 с.
3. Навумовіч, У.А. Эвалюцыя беларускай аповесці XX стагоддзя / У.А. Навумовіч // Весті Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2008. – № 3. – С. 95–104.
4. Пустовая, В. Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель : О молодой «военной» прозе: [Захар Прилепин «Патологии»; Аркадий Бабченко «Алхан-Юрт»; Денис Гуцко «Там, при реках Вавилона»; Александр Карасев «Запах сигареты», «Капитан Корнеев», «Своя позиция»] / В. Пустовая // Новый мир. – 2005. – № 5. – С. 151–172.

E.V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: kriklivec@mail.ru

Russian and Belarusian military story of the second half of the twentieth century: the genre modification and especially the representation of the hero

Key words: Russian literature, Belarusian literature, military prose, genre modification of the story, the representation of the hero.

The article describes the causes and specifics of genre modifications of Russian and Belarusian military story in the second half of the twentieth century; reveals the aesthetic and national characteristics of the representation of the hero in a variety of genre-species variants military story.

А.А.Кудряшова

Институт педагогики и психологии образования
Московский городской педагогический университет
e-mail: alekshvan@yandex.ru

УДК 82-3

СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АРХЕТИПОВ ДОМА И РОДА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И М. ГОРЬКОГО

Ключевые слова: автобиографическая проза, архетип, дом, род, стиль.

Статья посвящена анализу стиля М.Е. Салтыкова-Щедрина и М. Горького. В автобиографической прозе архетипы дома и рода традиционно носят устойчивый характер и характеризуются возвышенной поэтизацией. В «Пошехонской старине» и повести «Детство» традиционные архетипы получают особое стилевое решение.

Актуальность изучения двух универсальных архетипов дома и рода в русской автобиографической прозе не вызывает сомнения. В теории литературы и, шире, историко-культурной памяти желание запечатлеть и выразить жизненный путь человека определяет древность биографического и автобиографического жанров. Аксиологический вектор жизненного самопознания выявляет универсальный характер архетипов дома и рода, которые воплощают первичные формы, связанные с началом самосознания себя как личности. Традиционная для аналитической психологии трактовка архетипа К.Г. Юнга в теории автобиографической прозы рассматривается с точки зрения ключевого значения в формировании творческой личности, где детские впечатления дома и рода становятся истоком мироощущения и стиля будущих русских писателей.

Новизна заключается в исследовании базовых архетипов дома и рода, которые не только характеризуются сюжетно-композиционной устойчивостью в автобиографическом повествовании, но раскрывают особое стилевое сближение двух писателей. Наряду с возвышенной коннотацией архетипов Дома и Рода в теории русской автобиографической прозы [3] принято выделять стиле-